

ЦАРЬ-РЕФОРМАТОР

Обращаясь к ранним летам жизни необыкновенного царя, невольно стремишься найти на берегах пресловутой реки времени ранние свидетельства неординарности Петра и поэтому особенно внимательно рассматриваешь его учебные тетради, первые письма, записки.

Но ничто не говорит нам о грядущем гении. Мальчик, родившийся в день Исаакия Далматского, 30 мая 1672 года, ничем особенным не отличался от своих многочисленных братьев и сестер. Брак Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной, заключенный 22 января 1671 года, был для 40-летнего царя вторым. От предыдущего брака, с Марией Ильиничной Милославской, родилось 13 детей, среди которых были Федор, Иван и Софья. В 1676 году Алексей Михайлович умер, передав престол старшему из сыновей — Федору Алексеевичу, юноше болезненному и хилому. Федор правил недолго — в конце апреля 1682 года он умер. На совете высших сановников государства судьба трона решается в пользу не следующего по старшинству сына Алексея Михайловича — Ивана, а 10-летнего Петра. Это неожиданное решение было вызвано как активными интригами Нарышкиных, вошедших вслед за молодой царицей во дворец, так и тем обстоятельством, что живой, здоровый мальчик много выигрывал в сравнении со своим старшим братом Иваном, как бы несшим на себе черты вырождения. Возможно, что осознание этого факта, помимо политической борьбы, повлияло на ответственное решение Боярской думы — нарушить традицию передачи трона по прямой мужской нисходящей линии от старшего (Федора) к младшему (Ивану).

Однако группировка Нарышкиных недооценила противника. Милославские во главе с властной, честолюбивой царевной Софьей сумели возбудить недовольство стрельцов и с их помощью 15 мая 1682 года совершить кровавый государственный переворот. На престоле утвердился триумvirат: к Петру присоединился

Иван, а соправительницей на правах регентши была провозглашена Софья — ситуация для Петра в политическом смысле вполне тупиковая. Вдовая царица Наталья Кирилловна со всеми домочадцами выехала из Кремлевского дворца и поселилась в Преображенском — одной из пригородных резиденций, кольцом окружавших тогдашнюю Москву.

Все эти события, совершавшиеся независимо от воли и желаний Петра, стали как бы фоном начальных лет жизни будущего реформатора России, и они же определили многое из того необычайного, что впоследствии составило его яркую индивидуальность.

По великолепным книгам Ивана Забелина «Быт московских царей» и «Быт московских цариц» мы можем вполне реально представить себе жизнь двора, царской резиденции. Коротко говоря, Кремль XVII века — это мир церемоний и условностей, складывавшихся столетиями стереотипов поведения, освященная традициями замкнутая система, в целом мало способствовавшая развитию индивидуальности. Ни одно публичное мероприятие с участием царя не обходилось без соблюдения довольно жестких церемониальных условий. Выезды самодержца за пределы Кремля — а это, как правило, были богоугодные поездки по окрестным монастырям или церквам — воспринимались как события государственного значения. Даже выход царя на лед Москвы-реки 6 января к «иордани» — ритуальной проруби — в традиционный праздник водосвятия обставлялся как важное событие и назывался «походом», причем в Кремле — по терминологии тех времен «в Верху» — оставалась назначенная царем специальная комиссия бояр и других думных чинов для того, чтобы на время отсутствия царя государству «не убыло и потерьки не было».

Силоу политических обстоятельств Петр был как бы выброшен из этой системы. Разумеется, он появлялся в Кремле в дни официальных праздников и аудиенций, но все это было чуждо ему и даже, зная отношение к нему родственников по отцу, враждебно. Преображенское с его бытом летней царской дачи — резиденции, окруженной полями, лесами, дало ему то, что резко способствовало развитию его способностей, — свободу времяпровождения с минимумом обязательных занятий и максимумом игр, которые, как и всегда бывает у мальчишек, носили военный характер, с годами усложнялись, а так как участниками их были не куклы, а живые люди, то обучающее и развивающее значение этих игр было огромно. Уже здесь проявились присущие Петру природные данные: живость восприятия, неутомимость и неиссякаемая энергия, страстность и самозабвенная увлеченность игрой, незаметно переходящей в дело. Благодаря этому «потешные» солдаты и английский бот, найденный в сарае, не остались

только игрушками, а стали началом будущего грандиозного дела, преобразовавшего Россию.

Важно еще одно обстоятельство. Совсем рядом от Преображенского располагалась так называемая Немецкая слобода — Кокуй, поселение иностранцев, приехавших в Россию из разных европейских стран. По традиции того времени это поселение купцов, дипломатов, ландскнехтов было отделено от города оградой. Кокуй был своеобразной моделью Европы, где рядом — так же тесно, как в Европе, — жили католики и протестанты, немцы и французы, англичане и шотландцы. Этот странный, непохожий на Москву мир занимал любознательное внимание Петра первоначально, вероятно, как редкость, курьез, привлекал своей непохожестью на мир Кремля, Преображенского. Знакомство с иноземцами — интересными, образованными людьми Францем Лефортом, Патриком Гордоном, непривычные вещи, обычаи, многоязычие, а потом и первые интимные впечатления в доме виноторговца Монса, где жила его дочь, красавица Анна, — все это облегчило Петру (предки которого мыли руки из серебряного кувшина после церемонии «допуска к руке» иностранного посла) преодоление невидимого, но прочного психологического барьера, разделявшего два чуждых друг другу мира — православной Руси и «богопротивной» Европы, барьера, который и ныне преодолевать так нелегко.

Приход Петра к власти летом 1689 года стал разрешением давно зреющего политического кризиса, вызванного неестественным состоянием фактического двоевластия. Но, как и в мае 1682 года, в августе 1689-го Петр был в значительной степени влеком ходом событий, не направляя их. Благоприятные обстоятельства способствовали свержению Софьи и практически бескровному переходу власти самодержца к нему.

Тогда эта власть еще не была нужна ему как рычаг для реформ, идеи их еще не созрели в сознании Петра. Именно поэтому еще десять лет длился для России ее «настоящий» XVII век, в точности совпавший с веком календарным. Но и это десятилетие не пропало даром для Петра — гений его зрел, чтобы на грани двух веков выплеснуть на страну целый поток идей, ее преобразивших.

Нужно выделить три важных события тех лет, повлиявших на становление Петра-реформатора. Во-первых, это поездка в Архангельск в 1693 — 1694 годах. Обыкновенное «потешное» путешествие в город на Белом море, несомненно, стало событием в жизни молодого царя. Он впервые увидел настоящее море, настоящие корабли, совершил первое плавание в беспокойной и опасной стихии, так непохожей на гладь прудов Подмосковья и Плещеева озера. Это дало мощный толчок фантазии, появилась

мечта о море для России, возник подлинный культ корабля, морской стихии. С той архангельской поры, как писал М. Богословский, «шум морских волн, морской воздух, морская стихия тянут его к себе и с годами сделаются для него необходимой потребностью. У него разовьется органическое стремление к морю»¹.

Действительно, как так получилось, что море и корабли заняли особое место в жизни этого человека, все предки которого родились и умерли, видя перед собой лишь всхолмленные просторы Великоорусской равнины? Как курица, воспитавшая уплывающего от нее утенка, беспокоилась на берегу мать Петра, Наталья Кирилловна, посылая в Архангельск одно за другим тревожные письма: «Сотвори, свет мой, нада мною милость, приезжай к нам, батюшка наш, не замешкав. Ей-ей, свет мой, велика мне печаль, что тебя, света своего, радости, не вижу. Писал ты, радость моя, ка мне, что хочешь всех кораблей даждатца и ты, свет мой, видел каторыя прежде пришли: чево тебе, радость моя, тех... даждатца? Не презри, батюшка мой свет, моего прашения, о чем прасила выше сего. Писал ты, радость моя, ка мне, что был на море и ты, свет мой, обещался мне, что было не хадить...»²

Но изменить уже ничего было нельзя: корабли, море стали судьбой Петра, были с ним наяву и даже во сне. Сохранившиеся записи снов, которые делал царь уже в зрелые годы, отражают эту всепоглощающую страсть: «1714 г., ноября с 9-го на 10-е: сон видел: [корабль] в зеленых флагах, в Петербурге... Сон видел, тогда как в Померанию вошли: что был я на галиоте, на котором мачты с парусы были не по препорции, на котором галиоте поехали и обрат его оборотили на бок и воды захлебнулось, с которого понадали и поплыли к другому ботту, и оборотно к дому, и после поехали, и у себя приказал воду выливать»³.

Опытный глаз старого моряка и корабела не мог не заметить даже во сне неправильное парусное вооружение корабля, на который поместил его Морфей. После этого понятно становится то уважение, которое испытывал Петр к живописи художника-мариниста голландца Адама Стило, не позволявшего себе художественных вольностей при изображении рангоута и такелажа.

Токарь Петра, Андрей Нартов, в своих «Достопамятных повествованиях...» рассказывает о восторге царя при виде маневров английского флота в 1698 году, когда он сказал,

¹ Богословский М. М. Петр I. Т. I. М., 1945. С. 193.

² Письма и бумаги Петра Великого (далее сокращенно ПБП). Т. I. СПб., 1887. С. 490.

³ Семевский М. И. Петр Великий в его снах // В кн.: Слово и дело! СПб., 1885. С. 273—276.

что «на сей случай звание английского адмирала предпочитает званию царя Российского. Толико влюблен был царь Петр в морскую службу!» (см. с. 255 наст. изд.).

О том же пишет английский капитан Д. Перри, близко узнавший Петра уже в России: «Мне не раз доводилось слышать от него самого о намерении его совершить поездку в Англию, как только в собственной стране его восстановится спокойствие, и в те минуты, когда он находился в веселом расположении духа, он часто объявлял своим боярам, что жизнь английского адмирала несравненно счастливее жизни русского царя»⁴.

Это восторженное отношение к морю и кораблям он сохранил до конца своих дней. Ни один спуск корабля или крупные морские походы не обходились без его участия. Он скучал, оторванный от любимого морского дела. Весной 1711 года Петр отправился в Прутский поход, из которого писал Меншикову, сообщившему ему о начале навигации на Балтике: «Благодарствую о извещении тамо благополучному начанию весны и выводу флота, однако ж при том и не без грусти, ибо от обеих флотов лишен»⁵.

Думаю, что это увлечение не случайность, не каприз — было какое-то неуловимое соответствие, созвучие внутреннего мира Петра с образом плывущего корабля под парусами со шкипером на мостике. Корабль — вечная любовь Петра — был для него символом рассчитанной до дюйма структуры, материальным воплощением человеческой мысли, более того, — своеобразной моделью идеального общества, которое опирается на знание законов природы в извечной борьбе с сопротивляющейся слепой стихией.

Вторым важным событием тех лет стали Азовские походы 1695 — 1697 годов — война с Турцией за выход к Азовскому морю. Здесь, на южных рубежах, произошла в эти годы генеральная репетиция тех событий, которые в других, более грандиозных и драматических масштабах развернулись в начале XVIII века уже на западных рубежах. Первоначальные неудачи со взятием Азова, строительство флота в Воронеже, наконец, военная победа над серьезным соперником, возведение на берегу Азовского моря нового города, отличного от традиционных русских городов, — Таганрога — все это мы потом встречаем на берегах Невы и Балтики. Для Петра Азовские походы были первой военной школой, которая, хотя он и оценивал ее впоследствии скептически, все же принесла ему несомненную пользу. Опыт управления большой армией, осады и штурма сильной крепости не прошли

⁴ Перри Д. Состояние России при нынешнем царе // Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете (далее сокращенно — Чт. ОИДР). 1871. Кн. 2. С. 105.

⁵ ПБП. Т. 11. Ч. 1. С. 241.

даром для военного гения Петра. Не менее важно и то, что здесь, под стенами Азова в его сознание вошло представление о своем месте, «должности», роли в жизни России. Именно с Азовских походов, а не с момента воцарения, как справедливо заметил советский историк Н. И. Павленко, Петр вел впоследствии отчет своей «службы» на троне⁶. Именно идея служения России, как он это понимал, стала главным стержнем его жизни, наполняла для него высшим смыслом все его действия и поступки, даже самые неблагоприятные и сомнительные с точки зрения тогдашней морали.

Наконец, третьим событием, повлиявшим на становление личности будущего преобразователя России, стала его длительная поездка за границу в составе Великого посольства в 1696—1697 годах. Петр ехал не как член делегации, а как сопровождающее лицо, среди других дворян и слуг. Это дало ему значительную свободу, позволило детально познакомиться со многими сторонами жизни Голландии, Англии и других стран. И дело было, конечно, не только в обучении мастерству кораблестроителя на голландских и английских верфях. Петр впервые увидел западно-европейскую цивилизацию во всем ее военном и культурном могуществе, почувствовал ее дух, смысл и силу. Он вывез из Европы не только знания, впечатления, трудовые мозоли, но и идею, которую для себя формулировал предельно просто: чтобы сделать Россию столь же сильной, как и великие державы Европы, надо как можно быстрее перенять у Запада все необходимое. Именно тогда окончательно оформилась ориентация Петра на западно-европейскую модель жизни, и это означало автоматически отрицание жизни старой России, последовательное и порой ожесточенное неприятие, разрушение старого, ненавистного, того, что ассоциировалось с врагами: Софьей, стрельцами, боярством.

Ко времени Великого посольства относится одно любопытное свидетельство — письмо ганноверской принцессы Софии, в котором она очень непринужденно передает свои впечатления от встречи с молодым русским царем 11 августа 1697 года в городе Коппенбрюке. Письмо это — живой документ своего времени — особенно ценно тем, что автор его свободен от предвзятости и литературных влияний, которое неизбежно испытывал современник, встречавшийся с Петром позже, когда слава о его гении и победах широко разлилась по Европе.

«Царь — высокий мужчина с прекрасным лицом, хорошо сложен, с большой быстротой ума, в ответах скор и определителен, жаль только, что ему недостает при таких природных выгодах

⁶ Павленко Н. И. Петр I (К изучению социально-политических взглядов) // В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 72—73.

полной светской утонченности. Мы скоро сели за стол. Наш камергер Коппенштейн сделался маршалом и поднес е. в. салфетку. Царь не понял, что это значит, потому что в Бранденбурге употребляют еще умывальницы и полотенцы. Е. в. сел между мною и моею дочерью, а около нас посадил по переводчику. Мы были очень веселы, вели себя вольно, говорили свободно и вскоре чрезвычайно подружились. Дочь моя и царь поменялись даже табакерками: на его был изображен вензель царя, и дочь моя бережет ее как клейнод. Мы, правда, очень долго сидели за столом, но проводили время чрезвычайно приятно, потому что царь был очень весел и непрерывно говорил. Дочь моя заставила петь своих итальянцев. Царю это понравилось, но он заметил, что этот род музыки ему не совсем по душе. Я спросила, любит ли царь охоту? Он отвечал, что отец его был страстный охотник, но он с детства получил непреодолимую страсть к мореплаванию и к фейерверкам и что он сам любит строить суда. Он показал нам руки и дал ощупать, как они загрубели от работ. После обеда царь велел позвать своих скрипачей, и мы стали танцевать. Он выучил нас танцевать по-московски, что гораздо милее и красивее, чем польский танец. Мы танцевали до четырех часов утра... [Петр] совершенно необыкновенный человек. Его нельзя описать и вообразить, а надо видеть. У него славное сердце и истинно благородные чувства. Он при нас совсем не пил, зато люди его — ужасно, как мы уехали».

В следующем письме, описывая новую встречу с Петром и отмечая в нем «много хороших свойств и бездну ума», принцесса приводит забавную деталь: «Но в танцах, говорят, наши корсеты показались им костями, и царь будто бы сказал: „Какие чертовски крепкие кости у немок”»⁷.

В этих письмах отмечены те черты личности Петра, обращать внимание на которые впоследствии стало своеобразной хрестоматийной обязанностью мемуаристов, а потом и историков. Однако, желая дать полную картину, нельзя избежать при дальнейшем изложении подобных замечаний, характеристик, наблюдений, ибо они отражают действительно необычайные черты этого самодержца «всёя Руси», вовсе не присущие его современникам — коронованным особам Запада.

Первое, на что обращали внимание наблюдатели и что их более всего поражало в Петре, — это его необычайная внешность, простота образа жизни и демократизм в общении с людьми разных слоев общества.

Его современник — автор вышедшей в 1713 году в Лейпциге книги, — вспоминая поразившие его в царе привычки и черты,

⁷ Суждение дамы о Петре Великом // Лит. газета. 1841. № 41. С. 163.

писал: «Его царское величество высокого роста, стройного сложения, лицом несколько смугл, но имеет правильные и резкие черты, которые дают ему величественный и бодрый вид и показывают в нем бесстрашный дух. Он любит ходить в курчавых от природы волосах и носит небольшие усы, что к нему очень пристало. Его величество бывает обыкновенно в таком простом платье, что если кто его не знает, то никак не примет за столь великого государя... Он не терпит при себе большой свиты, и мне часто случалось видеть его в сопровождении только одного или двух денщиков, а иногда и без всякой прислуги»⁸.

Совершенно одинаково он вел себя и за границей, и дома. Шведский дипломат Прейс, встречавшийся с Петром в 1716—1717 годах в Амстердаме, среди особых черт царя отмечал: «Он окружен совершенно простым народом, в числе его перекрещенцев-еврей и корабельный мастер, которые с ним кушают за одним столом. Он сам часто и много ест. Жены и вдовы матросов, которые состояли у него на службе и не получали следующих им денег, постоянно преследуют его своими просьбами об уплате...»⁹

Он мог появиться в любом уголке Петербурга зайти в любой дом, сесть за стол и не погнушаться самой простой пищей. Не оставался он равнодушен к народным развлечениям и забавам. Ф. В. Берхгольц, камер-юнкер голштинского герцога Карла Фридриха, записал в своем дневнике за 1724 год, что 10 апреля император «качался у Красных ворот на качелях, которые устроены там для простого народа по случаю праздника», а 5 ноября зашел в дом одного немецкого булочника, «вероятно, мимоходом, услышав музыку и любопытствуя видеть, как справляют свадьбы у этого класса иностранцев» (см. с. 218 наст. изд.).

С нескрываемым изумлением описывает в дневнике свое впечатление от первой встречи с необыкновенным властителем в 1709 году датский посол Юст Юль: «Царь немедля вступил со мною в такой дружеский разговор, что, казалось, он был моим ровню и знал меня много лет» (см. с. 88 наст. изд.).

Любопытно малоизвестное свидетельство о Петре, которое оставил сержант Никита Кашин. Конечно, записанный много лет спустя рассказ очевидца приглажен временем и затерт многочисленными повторениями, но все же он достаточно точно передает образ и стиль жизни, привычки Петра, подмеченные простым солдатом, долгие годы видевшим царя совсем близко.

⁸ Суждение иностранца о Петре Великом в 1713 году // Отечественные записки, 1844. Т. 3. С. 77—78.

⁹ Извлечение из донесений шведского комиссионс-секретаря Прейса о пребывании Петра Великого в Голландии в 1716 и 1717 гг. // Чт. ОИДР, 1877. Т. 2. С. 4.

Этот рассказ вполне проверяется другими источниками. Любопытно и не встречающееся нигде более упоминание о голосе Петра — мы так привыкли, что голоса людей далекого прошлого не слышны нам сквозь толщу столетий, и история часто кажется немой. «...Во время обедни сам читал апостол: голос сиповатый, не тонок и не громогласен» (см. с. 127 наст. изд.).

Петр сознательно избегал повсеместных проявлений того особого полубожественного почитания личности русского царя, которым окружались с незапамятных времен его предшественники на троне. Причем создается впечатление, что Петр делал это умышленно, демонстративно нарушая принятый и освященный веками этикет. При этом было бы неправильно думать, что подобным пренебрежением обычаями он стремился разрушить почитание верховной власти, поставить под сомнение ее полноту и священность для подданных. В его отношении к величию и значению власти самодержца прослеживается иной подход, основанный на принципах рационализма.

Столь поражающая наблюдателей манера поведения Петра одним казалась капризом, причудой, другим — особенно в народной среде — верным признаком его «подменности», «самозванства». А между тем непоседливый, активный в своих проявлениях царь выбрал единственно удобный, естественный для него образ жизни, несовместимый с соблюдением традиционных ритуальных норм. Невозможно представить общение Петра со своими подданными на улицах Петербурга, если бы они при его появлении, согласно традиции, валились бы в грязь и боялись поднять головы.

Сохранился указ 1722 года, служивший, по-видимому, дополнением к Уставу воинскому. В нем говорилось: «Почтение своему государю подданные хотя и вяще протчим воздавать должны, аднакож церемонии оному не всегда чинить надлежит, но о иных спрашиваетца, чинить ли; иные же весьма в случае отставить яко следует: когда в войске командует и во время приближения неприятеля под караул подымут, знаменами укроютца и тем дадут знать неприятелю о его персоне и протчее тому подобное, в сей случай сие не токмо не удобно, но и вредительно есть». Перечисляя иные виды приветствия императора, Петр пишет, что необходимо предварительно спрашивать у него, ибо «выступление солдат всех с ружьем в строй не всегда потребно, ибо иногда желает, чтоб не весьма голосен его проезд был, иногда же частного ради сего употребления оному наскучит»¹⁰.

В истории нашей страны мы знаем весьма мало властителей, которым когда-либо мог «наскучить» пышный ритуал полубоже-

¹⁰ Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (далее сокращенно — АПФИРИ), ф. 270, оп. 1, д. 101, л. 712.

ственного почитания и поклонения. Конечно, необыкновенное поведение царя — «работника на троне» — не могло не вызвать к его личности глубокой симпатии потомков, чаще сталкивавшихся как раз с иной манерой поведения, иным образом жизни позднейших правителей, лишенных подчас даже малой толики гения, присущего Петру. Но в чем же суть, смысл такого поведения царя?

Для начала не будем излишне обольщаться демократизмом первого императора. Не все так просто и однозначно. В довоенном фильме «Петр Первый» есть один замечательный по своей выразительности эпизод. Иностранный дипломат, впервые попавший на петровскую ассамблею, поражен, увидев Петра за столом в окружении шкиперов и купцов. Он вопрошает стоящего рядом П. П. Шафирову: «Говорят, царь прост?» На это вице-канцлер с улыбкой отвечает: «Государь прост *в обращении*».

Общеизвестно, что при дворе Петра существовал, выражаясь «высоким стилем», культ Бахуса, а проще говоря — безобразное пьянство. Официальные, религиозные и иные празднества нередко сопровождалось многодневными попойками, в которых принимали участие все крупнейшие деятели государства. «Служение Бахусу» считалось своеобразной доблестью, которой было принято кичиться, ожидая одобрения царя. Вот одно из типичных писем на эту тему. Князь В. В. Долгорукий в 1711 году пишет из Торна заболевшему Петру: «На день виктории Левенгауптской (т. е. победы над шведами при Лесной в 1708 году. — Е. А.) здоровье ваше так пили мощно, все пьяны были. Такие были фейерверки, как не видали... А вам, чаю, завидно, что за лекарством нельзя пьяным быть, однакож мню, хотя не все, а кто-нибудь пьяны были. Изволь к нам об этом описать»¹¹.

Сам Петр немало способствовал такому отношению к безобразным попойкам, ставшим характерным для жизни двора и абсолютно не свойственным ни жизни двора его преемников, ни тем более его предшественников, исключая, пожалуй, опричный двор Ивана Грозного, где безобразные вакханалии имели подчас кровавый оттенок пьяного палачества.

Объяснений этому, по современным нормам, прискорбному явлению много. Это и известные традиции карнавальная, святочной культуры — кутежи все же не были обыденностью, а в большинстве своем были связаны с праздниками, маскарадами, — это и не особенно высокий уровень бытовой культуры и представлений об отдыхе. Но в данном случае наше внимание привлекает другое. Юст Юль, вынужденный часто бывать на таких собраниях и против своей воли пить, писал: «На всех пирах лишь только

¹¹ Древняя и Новая Россия, 1876. Т. 1. С. 199.

соберутся гости, прежде, чем они примутся пить, царь уже велит поставить у дверей двойную стражу, чтобы не выпускать никого, не исключая и тех, кого рвет. Но при этом сам царь редко выпивает более одной или, в крайнем случае, двух бутылок вина, так что я редко видел его пьяным в стельку. Между тем остальных гостей он заставляет напиваться до того, что они ничего не видят и не слышат, и тут царь принимается с ними болтать, стараясь выведать, что у каждого на уме. Ссоры и брань между пьяными тоже по сердцу царя, так как из их взаимных укоров ему открываются их воровство, мошенничество, хитрость».

В другом месте Юль отмечал: «Царь охотно допускает в свое общество разных лиц, и тут-то на обязанности шутов лежит напавать в его присутствии офицеров и других служащих, с тем чтобы из их пьяных разговоров друг с другом и перебранки он мог незаметно узнавать об их мошеннических проделках и потом отнимать у них возможность воровать или наказывать их» (см. с. 89 – 90 наст. изд.).

Что и говорить, такая манера общения явно не укладывается в образ поведения великого царя, известный нам из воспоминаний его соотечественников. Думаю, что здесь нет противоречия. Петр был убежден, что во имя государственных целей можно пренебречь многими моральными нормами. На этом был построен институт фискальства и шире — культура доносов, процветавшая при Петре. Тем более, мораль частного, «партикулярного» человека не походила, по мысли царя, на мораль властителя, живущего во имя высших целей государства. Мысли из записной книжки Петра иллюстрируют это. Петр так прокомментировал выражение «Не воздавай неприятелю, когда и лукавство мыслит, ибо совестью больше возвратитца, нежели возмездием»: «Истинно есть вышеписанные слова, когда по проществе дела, но в настоящем весьма инако, ибо боротца надлежит, а когда пройдет, не воздавать. Но сие партикулярным персонам надлежит, а властителям весьма инако, ибо должны всегда мстить и возвращать обиженное от неприятеля своему отечеству»¹².

Но это лишь одна сторона петровского демократизма. Гораздо важнее другая, имевшая далеко идущие последствия. Тот же Юль рассказал в своем дневнике 1709 года о том, как он видел царя на верфи, где тот прилежно исполнял обязанности старшего корабельного мастера, проявляя особую почтительность к генерал-адмиралу, перед которым снимал шапку. «Такое почтение и послушание, — замечает Юст Юль, — царь выказывал не только адмиралу, но и всем старшим по службе лицам, ибо сам он покамест лишь шаутбенахт. Пожалуй, это может показаться

¹² АПФИРИ, ф. 270, оп. 1, д. 68, л. 5.

смешным, но, по моему мнению, в основании такого образа действий лежит здоровое начало: царь собственным примером хочет показать прочим русским, как в служебных делах они должны быть почтительны и послушны в отношении своего начальства» (см. с. 93 наст. изд.).

Мало того, что Петр служил, работал как плотник, он являлся еще и «подданным» шутовского «князя-кесаря» Ф. Ю. Ромодановского, которому писал «доношения», челобитные, обращался к нему, как подданный к властителю. Сразу же заметим, что Ромодановский и другие воспринимали это однозначно, как игру, и письма-просьбы Петра понимали как царские указы, подлежащие обязательному исполнению. Тут, конечно, приходит на память Симеон Бекбулатович — вассальный касимовский хан, которому Иван Грозный «передал» престол и писал под именем «Ивашки» уничижительные челобитные. «Отдав» марионетке престол, Иван стремился таким образом развязать себе руки для нового цикла кровавых расправ с реальными и воображаемыми противниками.

Петр, хотя и уважал Ивана, все же играл в другие игры. Суть их состояла в исполнении «службы». «Служба» — для Петра обобщенное понятие, вобравшее в себя и четкое осознание обязанностей каждого перед государством и государем, и ревностное и честное их исполнение, даже если это сопряжено с риском для здоровья и жизни, и безусловное подчинение воле вышестоящего начальника (что заметил Юль в приведенном выше отрывке), и право на награду за самоотверженный труд или воинский подвиг (об этом сохранились его письма Ромодановскому с благодарностью за присвоение очередного звания). Некоторые прозорливые современники осознавали это, правильно интерпретируя поведение царя как метод воспитания своих подданных, прием пропаганды нового образа жизни.

Автор записок о Петре, секретарь прусского посольства И. Фоккеродт, писал, что сам царь «не имеет никакого преимущества перед другими, а подобно своим товарищам с ружья, даже с барабана и будет выслуживаться постепенно: для такой цели он в этом случае слагал самодержавную власть в руки князя Ромодановского, который должен повышать его в чины наравне с другими солдатами по его заслугам и без малейшего потворства. Так, пока жив был вышеупомянутый князь, именно до 1718 года, Петр разыгрывал такую комедию, что получил от него повышение в генералы и адмиралы, которые должности ему угодно было возложить на себя. Это объявление имело то действие, что дворяне из самых знатных фамилий, хотя и не покидая и предрасудка о достоинстве своего происхождения... однако ж оставались с ним на службе и стыдились заявлять такие притязания.

которые могли показать, будто бы они думают быть лучше их государя»¹³.

Наблюдения Фоккеродта основательны — еще в 1705 году английский посол Ч. Уитворт писал: «Царь, находясь при своей армии, до сих пор не является ее начальником, он состоит только капитаном бомбардирской роты и несет все обязанности этого звания. Это, вероятно, делается с целью подать пример высшему дворянству, чтобы и оно трудом домогалось знакомства с военным делом, не воображая, как, по-видимому, воображало себе прежде, что можно родиться полководцем, как родишься дворянином или князем»¹⁴.

Практически о том же сообщает в своих записках и А. Нартов (см. с. 291 — 292, 317 наст. изд.).

Принципиально важно заметить, что Петр понимал службу не просто как добросовестное исполнение обязанностей и подчинение вышестоящему, а как служение государству. Именно в этом он видел смысл и главную цель своей жизни и жизни своих подданных. О роли этого фактора при оценке личности Петра, пожалуй, лучше других сказал Н. И. Павленко: «Пестрота черт характера Петра тем не менее не противоречила представлениям современников и потомков о цельности его натуры. Монолитность образу придавала идея служения государству, в которую глубоко уверовал царь и которой он подчинил свою деятельность, проявлялась ли она в форме необузданной деспотичности или безграничной самоотверженности, происходила ли она в сфере военно-дипломатической или гражданской»¹⁵.

Это наблюдение позволяет дать объяснение тем поступкам и действиям Петра, которые подчас, казалось бы, явно противоречат его характеру как человека импульсивного, живого, нетерпеливого. Особенно отчетливо это проявлялось в дипломатической деятельности. Достаточно вспомнить историю его отношений с неверными союзниками — датским королем Фредериком IV, польским королем и курфюрстом Саксонии Августом II — историю, в которой Петр, выдающийся дипломат, проявляя редкое терпение, такт, обуздывая свои порывы, сумел достичь важнейшей цели — восстановить Северный союз против Швеции.

Чрезвычайно интересна в этом смысле запись в дневнике Юста Юля от 11 декабря 1709 года (см. с. 92 наст. изд.). «...Зная положительно... что в данную минуту ему докучны мои речи, —

¹³Фоккеродт И. Россия при Петре Велико-

¹⁴ Дипломатическая переписка английских послов. Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 39. С. 58.

¹⁵ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 41.

пишет Юль, — я с величайшим удивлением убеждался, до какой степени он умеет владеть своим лицом и как ни малейшей миной, ни равно своими приемами он не выдает своего неудовольствия либо скуки». Удивляться такому поведению импульсивного Петра, вероятно, не следует: царь — весь внимание, так как дело касается государства — того, что было для него превыше всего.

Человек необычайно способный, трудолюбивый, он наслаждался работой, особенно той, которая приносила реальные результаты, была видна всем. В самых разных сферах деятельности он был заметен. Как писал англичанин на русской службе Джон Перри, «о нем можно сказать, что он сам вполне солдат и знает, что требуется от барабанщика, равно как и от генерала. Кроме того, он инженер, пушкарь, делатель потешных огней, кораблестроитель, токарь, боцман, оружейный мастер, кузнец и прочее; при всем этом он часто сам работает собственноручно и сам наблюдает, чтобы в самых мелких вещах, как и в более важных распоряжениях, все было исполнено согласно его мысли»¹⁶.

Несомненно, личный пример служения государству, который Петр самозабвенно демонстрировал на глазах тысяч людей на стапелях верфи, лесах стройки, мостике корабля или на поле боя, был необычайно эффективен, заразителен для одних и обязывающ для других. Петр был искренне убежден, что царствование — это его такая служба России, что, царствуя, он исполняет свой долг перед государством. Своим примером он призывал и всех своих подданных исполнять свои обязанности так же самоотверженно. Нартов передает: «В бытность в Олонце при питии марциальных вод его величество, прогуливаясь, сказал лейб-медику Арешкину: «Врачую тело свое водами, а подданных — примерами» (см. с. 273 наст. изд.).

Теоретиком абсолютизма архиепископом Феофаном Прокоповичем была выдвинута концепция «образцовой, высшей обязанности» царя на его «службе». Самодержец, согласно идее Феофана, поставлен на вершину «чинов», является высшим «чином», в который его определил сам Бог, поручив ему нелегкую «службу» управления подданными. Такая божественно-бюрократическая концепция полностью отвечала идеям создателя «Табели о рангах». Размышляя о данных от Бога «чинах», Феофан в известной проповеди «Слово в день Александра Невского» (1718) исходит из общих положений о службе: «...всякий чин от Бога есть... то самое нужнейшее и Богу приятное дело, его же чин требует: мой мне, твой тебе и тако о прочих. Царь ли еси? Царствуй убо, наблюдая да в народе будет беспечалие, а во властях правосудие и како от неприятелей цело сохранили отечество»¹⁷.

¹⁶ Перри Д. Указ. соч. С. 179.

¹⁷ Прокопович Ф. Слова и речи. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1761. С. 9–10.

Сам Петр четко обозначил свои обязанности в речи, обращенной к дворянству после казни царевича Алексея: «...первые и главные обязанности монарха, призванного Богом к управлению целыми государствами и народами, состоят в защите от внешних врагов и в сохранении внутреннего мира между подданными посредством скорого и праведного воздания каждому по справедливости. Долг монарха самому вести войска свои в бой и наказывать зло в лице людей, наиболее высоко стоящих по рождению или по богатству, совершенно так же, как и в лице последнего мужика».

Разумеется, для успешного осуществления этих основных обязанностей монарха он должен, по мысли Феофана, иметь абсолютную власть, а именно: «...власть законодательную крайне действительную, крайний суд износящую <...> а самую ни каковым же законам не подлежащую»¹⁸.

Попытки обосновать обязанности монарха и достаточно точно сформулировать пределы, точнее, беспредельность его власти — результат новых веяний, которые коснулись политической культуры России в конце XVII — начале XVIII века. Мысли Феофана о «службе» и власти монарха, наиболее подробно изложенные в «Правде воли монаршей», не были оригинальны, они были производны от идей, которыми жила правовая и философская мысль Западной Европы того времени. Среди властителей умов были Бэкон, Спиноза, Локк, Гассенди, Гоббс, Лейбниц. Их идеи стали активно проникать в Россию, и имена великих философов века рационализма не были чужды русскому уху.

Конечно, было бы большим преувеличением думать, что Петр владел всей суммой философских знаний эпохи. Он не был философом, даже, вероятно, не имел философского склада ума. Но нельзя сбрасывать со счета широкое распространение (пусть даже в популярной, упрощенной форме) этих идей в общественном сознании, их роль в складывании духовной атмосферы, в которой жили мыслящие люди того времени. Нельзя забывать и того, что Петр был знаком с Лейбницем, возможно — с Локком, наконец, нужно учитывать тот пристальный интерес, который проявлял царь-реформатор к работам юристов и государствоведов Г. Гроция, С. Пуфендорфа. Книга последнего («О должности человека и гражданина» была переведена при Петре на русский и очень высоко им ценилась. Не случайна и переписка Лейбница с Петром, где затрагивалась проблема государственных реформ и где Лейбниц дает образ государства в виде часового механизма, все колесики которого действуют в идеальном сцеплении. Не приходится сомневаться, что этот образ был близок мировосприятию Петра — истинного сына своего века.

¹⁸ Прокопович Ф. Правда воли монаршей... СПб., 1722. С. 17 — 18, 26 — 27.

В его подходе к жизни, людям мы видим многие черты, получившие преобладающее развитие в то время: предельный рационализм, практицизм. Петр был типичным технократом. Проявляя интерес ко многим отраслям знаний, он явно отдавал предпочтение точным наукам, вообще знаниям, имевшим прикладное, практическое значение. Кроме математики, механики, кораблестроения Петр знал и другие науки: фортификацию, архитектуру, баллистику, черчение и т. д., не говоря уже о «рукоделии» — ремеслах.

Особым уважением Петра пользовалась медицина, точнее — хирургия. Ею Петр увлекался с давних пор, наблюдая, а потом и сам делая довольно сложные операции, степень риска которых мог по-настоящему оценить лишь сам пациент. Любовь Петра к медицине приводила в трепет его приближенных, ибо Петр считал себя непререкаемым авторитетом в этой, как, впрочем, и в других, отраслях знаний. Он внимательно следил за здоровьем своих придворных и родственников, незамедлительно предлагая свои услуги, тем более что футляр с хирургическими инструментами всегда носил с собой, а вырванные зубы аккуратно складывал в особый мешочек. Примечательна запись в дневнике Берхгольца за ноябрь 1724 года: «Герцогиня Мекленбургская (Екатерина Ивановна, племянница Петра. — *Е. А.*) находится в большом страхе, что император скоро примется за ее больную ногу: известно, что он считает себя великим хирургом и охотно сам берется за всякого рода операции над больными. Так в прошлом году он собственноручно и вполне удачно сделал вышеупомянутому Тамсену (точнее — Таммесу. — *Е. А.*) большую операцию в паху, причем пациент был в смертельном страхе, потому что операцию эту представляли ему весьма опасною» (см. с. 218 наст. изд.).

Когда операция оказывалась неудачной, Петр с неменьшим знанием дела препарировал труп своего пациента в анатомическом театре, ибо был неплохим патологоанатомом.

Образцом рационалистического подхода Петра может служить, конечно, исправленный его рукой алфавит, из которого выброшено все, что казалось Петру затрудняющим письмо, что, на его взгляд, устарело или было несовершенно.

Искусство Петр оценивал также с позиций технократа. Произведения искусства должны были, по мысли царя, служить либо украшением, либо символом, наглядным пособием, дающим людям знания или назидательные примеры для их морального совершенствования. В остальных случаях Петр проявлял полное равнодушие к художественным сокровищам Парижа, Дрездена, Вены, Лондона. Пожалуй, лишь фейерверки и всевозможные «огненные потехи» были подлинной эстетической страстью Петра, возможно, в них он находил редкое сочетание прекрас-

ного с полезным. Может быть, следует поверить автору «Подлинных анекдотов о Петре Великом» Я. Штелину, передававшему со слов Мардефельда о том, как, взирая на фейерверк, Петр сказал прусскому посланнику: «Мне нужно увеселительным огнем приучать мой народ к огню в сражении. Я опытом узнал, что тот и в сражении меньше боится огня, кто больше привык к увеселительным огням»¹⁹.

В литературе не раз ставился вопрос о том, был ли религиозен Петр. И большинство исследователей не пришли к определенному ответу — столь противоречивым является дошедший до нас исторический материал. Действительно, с одной стороны, мы видим — несомненная веротерпимость (исключая традиционное негативное отношение к евреям, исповедующим иудаизм), дружба с различными иноверцами, интерес к мировым религиям, естественнонаучным проблемам, отказ от ритуальных норм древнерусского «благочестия» как важнейшей черты самодержца, крайне отрицательное отношение к суевериям, корыстолюбию церковников, презрение к монашеству как форме существования, кощунственное шутовство всепьянейших соборов и, наконец, самое важное — реформа церкви, приведшая к ее окончательному подчинению власти государства. Все это создало Петру устойчивую в широких массах народа репутацию «табашного безбожника», «антихриста», имя которого с проклятием поминалось многими поколениями старообрядцев.

С другой стороны, читая тысячи писем Петра, отчетливо видишь, что имя Божье в них — не дань традициям или привычке, бытующей и сейчас среди атеистов («слава Богу», «дай Бог...» и т. д.), но свидетельство несомненного религиозного чувства.

При всей склонности Петра к шутовству на религиозной почве он отнюдь не пренебрегал обязанностями православного христианина. Примечательна и запись в его блокноте, которая фиксирует один из аргументов спора (возможно, мысленного) царя с атеистами: «Против атеистов. Буде мнят, законымышленные, то для чего животное одно другое ест, и мы. На что такое бедство им зделано»²⁰. Речь здесь, по-видимому, идет о тезисе, утверждающем разумное начало природы. Согласно этому тезису, ее виды возникали в соответствии с внутренними, присущими самой природе рациональными законами, не имеющими ничего общего с божественными законами. Аргументом против этого широко распространенного рационалистического тезиса, полагает Петр, является несовместимость разумности («смышленности», по терминологии царя) природы с царящей в ней жестокой борьбой

¹⁹ Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. 2., М., 1820. С. 46.

²⁰ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I (далее сокращенно — ЗА). М.: Л., 1945.

за выживание, которая, по мысли Петра, разрушает внебожественную гармонию природы. Именно это и служит для него веским доказательством неправоты атеистов, отрицающих Бога — творца и повелителя природы, который в концепции Петра выступает грозным Яхве-деспотом, по образу и подобию которого, возможно, мыслил себя царь.

Думаю, что в целом у царя не было сложностей с Богом. Он исходил из ряда принципов, которые примиряли его веру с разумом. Он считал, что нет смысла морить солдат в походах и не давать им мяса во время поста — им нужны силы для победы России, а значит, и православия. Известно, как подозрительно относился Петр к различного рода чудесам, мощам.

Примечательна и история с экскурсией Петра в музей Лютера в Виттенберге. Осмотрев место захоронения великого реформатора и его библиотеку, Петр с сопровождающими «были в его палате, где он жил и за печатью на стене в той палате указывали капли чернил, и сказывали, что, когда он, сидя в той палате, писал и в то время пришел к нему диавол, тогда будто он в диавола бросил чернильницу, и те чернила будто тут на стене донныне остались, которые сам государь смотрел и нашел, что оные чернильные бразки новы и сыроваты; потом просили тамошние духовные люди, дабы государь подписал в той палате что-нибудь своею рукою на память своего бытия и по тому их прошению государь подписал мелом сие: чернила новые и совершенно сие неправда»²¹.

Но, говоря о подобных, довольно характерных для Петра проявлениях рационализма, не следует впадать в крайность, превозносить их как свидетельство его атеизма. Примечателен и не лишен правдоподобия рассказ Нартова о посещении новгородского собора святой Софии Петром и Яковом Брюсом — известным книжником, точнее, чернокнижником, алхимиком, о чьем безверии и связи с дьяволом говорили многие современники. Стоя с царем возле рак святых, Брюс рассказывал Петру о причинах нетленности лежащих в них тел. Нартов пишет: «Но как Брюс относил сие к климату, к свойству земли, в которой прежде погребены были, к балзамированию телес и к воздержанной жизни, и сухоядению или пощению, то Петр Великий, приступя наконец к мощам святого Никиты, архиепископа Новгородского, открыл их, поднял их из раки, посадил, развел руки, и паки сложив их, положил, потом спросил: «Что скажешь теперь, Яков Данилович? От чего сие происходит, что сгибы костей так движутся, яко бы у живого, и не разрушаются, и что вид лица его, аки бы недавно скончавшегося?» Граф Брюс, увидя чудо сие,

²¹ Журнал, или Поденная записка... Петра Великого. Ч. 1. СПб., 1770. С. 344.

весьма дивился и в изумлении отвечал: «Не знаю сего, а ведаю то, что Бог всемогущ и премудр».

Может быть, Брюс действительно несколько растерялся и сразу не нашелся, что сказать Петру, который, согласно Нартову, при этом поучительно заметил: «Сему-то верю и я и вижу, что светские науки далеко еще отстают от таинственного познания величества Творца, которого молю, да вразумит меня по духу» (см. с. 314—315 наст. изд.).

Идея рационализма в полной мере распространялась и на государство, которое должно было в первую очередь подчиняться действию начал разума, логики, порядка. Петр, исходя из этих начал, жил, показывая пример служения, службы, и в соответствии с духом времени формулировал идею обязанностей монарха перед подданными.

Но, восхищаясь столь редкой для правителя простотой, работоспособностью, целеустремленностью и самоотверженностью Петра, нельзя забывать при этом два принципиальных нюанса: во-первых, круг обязанностей монарха по «служению» народу определялся самим монархом и варьировался по его усмотрению, не будучи нигде в законодательстве зафиксирован: во-вторых, «служба» царя и служба его подданных существенно различалась между собой. Ведь для последних служба государству, вне зависимости от их желания, сливалась со службой царю, шире — самодержавию. Иначе говоря, своим каждодневным трудом Петр показывал подданным пример, как нужно служить ему, российскому самодержцу. Не случайно он однажды произнес тост, так хорошо запомнившийся очевидцу: «Здравствуй (т. е. «Да здравствует!») — Е. А.) тот, кто любит Бога, меня и Отечество!» Другой мемуарист (Перри) подчеркивал: «Царь обращает особое внимание на то, чтобы его подданные сделались способными служить ему во всех этих делах. Для этой цели он не жалеет трудов и постоянно сам работает в среде этих людей...»²².

Конечно, здесь не следует упрощать. Да, служение Отечеству, России — важнейший элемент политической культуры петровского времени. Его питали известные традиции борьбы за независимость, за существование, немислимое без национальной государственности. Примеров такой борьбы в допетровской истории можно найти немало. Достаточно вспомнить гражданский подвиг Минина и Пожарского, вставших на защиту «земли» — понятия для человека средневековой Руси емкого и многозначительного, включавшего в себя и общину, и город, и государство. Ополченцы 1611—1612 годов выступили не только во имя повелителя — православного царя, которого им предстояло еще

²² Перри Д. Указ. соч. С. 179.